

Чудотворная икона Иверской
Божией матери

*

Нимбы ЗОЛОТЫЕ

*

Нельзя представить русский храм без настенных росписей, без иконостаса. Иконы вбирают в себя чувства людей многих поколений, потому так ценятся старые иконы, о которых говорят – намоленные. Намоленность, соединенная с высоким искусством, дает русской иконе неодолимую крепость святости. Сегодня вновь оживают иконописные традиции, рождаются прекрасные мастера, у которых есть великие учителя. И не беда, что восстановленные храмы украшают – взамен утраченных – новые иконы, будут и они намолены. Важно, чтобы икона была, по слову отца Павла Флоренского, «предметом внимания и всецелого попечения, а следовательно, и строгого, проникновенного, тщательно осмотрительного выбора»

«Се, Творю все новое»

Священник Николай Чернышев

Нынешний период жизни Русской Православной Церкви характерен, среди прочего, возвращением множества храмов, монастырей, икон, предметов церковного обихода. И наиболее чтимые святыни, и чисто хозяйственные церковные постройки, и утварь передаются, как правило, оскверненными, разрушенными, поврежденными или искаженными. Наши храмы и монастыри содержали сокровища, являвшие всему миру высоту православной церковной культуры. Сейчас открывающиеся храмы пусты, часто стоят без крыш, куполов, и требуется немало усилий для их восстановления.

Эта сторона возрождения церковной жизни не только материальная. В деле спасения, ради которого живет и действует Церковь, образ храма имеет существенное значение. Внешний облик храма и его внутреннее убранство влияют непосредственно и очень сильно на чувства человека, на его умозрение, образ молитвы, в конечном счете – на образ жизни. Ведь в храме человек проводит главное время своей жизни. Православие – Духом Святым выработало формы, выразившие его идеи; они помогают человеку эти идеи воспринять, помогают спастись.

Именно поэтому первая задача, стоящая перед нами сегодня, – верно выбрать направление – что именно и ради чего мы хотим восстановить, в каком воссоздать виде и все ли из того, что нам передают? Что, как, какой ценой и зачем? Осознавать эти фундаментальные вопросы надлежит нам всем, с единых православных позиций. Вопросы восстановления так или иначе стоят перед всей нашей Церковью, и особенно остры они сегодня. Не осознав и не сформулировав для себя и для мира наши задачи, мы потратим остаток сил впустую.

Известно пророчество старцев Оптиной пустыни, согласно которому в последние времена храмы будут полны роскошным убранством и сладкогласным пением,

Иоанн Златоуст
Середина XVI века

но Духа Святого в них не будет...

При утере нами понятия о связи Красоты с Истиной мы создаем лишь внешнюю мирскую красоту, которая воспринимается как мертвая музейная декорация, никак с нашей жизнью и с небесами не связанная, жить нам во славу Божию

не помогающая. Отсюда, от невидения Красоты Божией как признака Правды Божией, от забвения ее значения как силы, спасающей мир, происходит утрата нами критериев, что же есть истинная красота, — какова она и для чего в Церкви.

По слову св. Иоанна Златоуста: «Красота там, где Дух Святой». В силу того что Красота (Божия) — категория не только эстетики, но и онтологии, при рассмотрении любых Церковных образов — икон, настенных росписей, самих храмов, утвари, облачений — недопустим только эстетический подход. Все, что создается в Церкви, призвано быть прекрасным, а потому может стать (и, как правило, становится) произведением искусства. Но ни форма, ни содержание церковного образа никак и никогда не вмещаются в понятие «произведение искусства», всегда шире и глубже этого, доходят до глубины понятия «Церковная Святыня». Отсюда и подход к его рассмотрению должен стать церковным, а значит — Евангельским. То есть должен заниматься ответами на вопросы — насколько тот или иной образ являет то, что он призван являть — благовестие Христово. Благовестие о спасении мира, через спасение человека Христом. Насколько тот или иной образ являет нам образ Бога — во Христе, в Божией Матери, в человеке. Есть ли в данной иконе хотя бы отблеск правды о Боге и человеке, какой ее знает Церковь, а значит — есть ли в ней хотя бы отблеск Божией красоты, явленный в человеке.

Но вопрос о воссоздании (или создании) конкретного храма стоит сегодня так: стилю какого века подражать архитекторам и художникам: XII, XV или XVII и даже — в каком иконописном или живописном стиле писать иконостас, стенные росписи, иконы... Определяющим здесь становится индивидуальный вкус настоятеля, наместника или наличие подходящих для бедного храма мастеров, работающих только так, как они умеют.

Но есть ли такое положение (повсеместное в наши дни) признак забвения нами части церковного канона — иконописного канона, не забываем ли мы значение для нас догмата Иконопочитания, утверждение которого празднуется нами вместе с Торжеством всего Православия?

За что шли на смерть мученики и исповедники VIII—XI веков, в течение столетий борющиеся с ересью иконоборчества? Умерла ли эта ересь и в чем ее суть? Как

применимы для нас сегодня решения VII Вселенского Собора, Большого Московского Собора? На протяжении 9 веков между ними Церковь на Востоке продолжала развитие Богословия Образа, в котором, как в фокусе, пересеклись: догматическое учение о воплощении, христология, пневматология, экклезиология, литургика и христианская антропология. Вершиной этого богословствования стало утвердившееся в XIV веке учение исихастов, в аскетике которых созерцание икон, как выражение «неограниченной Полноты, перед которой мысль останавливается в молчании и богословие переходит в прославление» (по слову Н.Лосского), стало одной из высших форм делания.

На Руси исихастское богословие иконы вполне самобытно выразилось в гениальном творчестве преподобного Андрея Рублева и художников его круга, а на рубеже XV—XVI веков завершилось.

Что такое икона? Что такое храм Божий? Ответы — в сжатых однозначных формулировках — даны в учебниках для духовных семинарий, в общедоступных брошюрах, в энциклопедиях и вроде бы всем известны. Эта элементарность — кажущаяся. Не случайно решениям этих вопросов христиане, в том числе Святые отцы, посвящали жизнь. Каждое время ставило их по-своему, вечным истинам всегда требовалось современное толкование. В каждом конкретном случае решать, что, как и зачем восстанавливать и строить, следует раньше, чем думать о смете работ, сроках и трудозатратах. На сегодня нуждается в восстановлении богословие Образа, нуждается не менее, чем сами образы и храмы. И ответы здесь требуются не только от нашего разума и памяти — как мы знаем Православную догматику и археологию, но и от нашей совести, от нашего личного отношения к доставшемуся наследию, такому разнообразному.

Есть у нас наследие Киевской Руси — пусть во многом утраченное, но тем более драгоценное, великое, возросшее непосредственно под влиянием святых отцов Византии, есть наследие времени раннего Московского государства эпохи преподобного Сергия и преподобного Андрея Рублева — времени наивысшего развития исихастских традиций на Руси. Сохранять памятники этих великих эпох — жизненно важное дело для Церкви. Причем сохранение и изучение такого наследия, конечно, только первая задача. Для нас это лишь

необходимое условие живого восприятия духовных традиций, от которых пошла столь высокая культура. Нельзя забывать, что церковная культура – это всегда результат определенной аскетике. Вернее, культура церкви – это и есть аскетика, нормы духовной жизни, приводящие к появлению тех или иных творений. Видимые творения – всегда творения духа, того или иного. А культура названных периодов, наиболее точно отразившая свет Православия на Руси, – наиболее вероучительна и поистине вдохновляюща для всего православного мира на все века. Знаменной распе, Киевская София и Покров на Нерли, «Троица» преподобного Андрея Рублева и его «Звенигородский Спас» – это не просто национальные достижения, рядом с которыми нечего поставить, – это достижения и наследие всего Православия. Критерий культуры для Церкви всегда один – строгость следования Евангелию, а высота культуры – это приближенность к Богу. А потому вопросы о том, как восстанавливать и развивать доставшееся наследие, как строить и расписывать новые храмы, писать новые иконы и службы новопрославляемым святым – эти вопросы будут разрешаться лишь по мере восстановления традиций духовной жизни, лишь при воссоздании духовной культуры в целом, то есть культуры, приводящей к Боговедению, Богоподобию. Только тогда результатом станут произведения, духовно близкие достижениям прошлого. Мастера Византии, Феофан Грек, преподобный Андрей Рублев, Дионисий – для нас ориентиры, показывающие плоды работы прежде всего над собой, работы истинных иконописцев, воссоздавших в самих себе, а потом на стенах и досках образ Божий. Одновременно эти Святые отцы оставили всем нам единый иконописный язык. Общеправославный иконописный язык святых отцов уже в первые века христианства стал каноническим и утвердился на Руси к XII–XIII векам. Всевозможные стили, школы, авторские манеры и почерки внутри единого канонического иконописного языка, составляющие богатство и разнообразие единой культуры, никогда не противостояли друг другу. Но освоение Канона позволяет иконописцу, а равно – зодчему и другим участникам литургического творчества грамотно, выразительно и свободно проявить личный духовный опыт. Частные же находки предшественников могут

быть использованы или надо искать свои во избежание мертвой стилизации. Вновь обратившись к опыту преподобного Андрея, можно вспомнить, что он, по слову летописца, часто предавался «взиранию на честные иконы», и тогда, благодаря общению с «честными иконами», благодаря восприятию в них Божией Правды и Божией Красоты, при созерцательном изучении их в исихастской традиции и при практическом усвоении того, каким образом Правда и Красота явлены, – образовывалась «обратная связь» – через иконы делались иконописцы причастниками Правды и Красоты Божиих, «... получали великую милость от Бога», – научались нести в мир то, что они воспринимали, общаясь с образами. Вот почему икона сама становится и свидетельством аскезы, и видом аскезы, и аскетическим опытом.

Это положение можно подтвердить и рассматривая истинно церковное, то есть одноголосное пение. В.Л. Мартынов в работе «История богослужебного пения» пишет: «Пение есть аскетическая дисциплина». Мы приходим к тождественному выводу – при истинном церковном пении и иконописании непосредственно происходит то, что и при других видах аскетического делания (в отличие от «занятий искусством») – это созерцание Божественного порядка, Божественной гармонии. На этом пути возможно возвращение к исихазму.

Среди икон, которые созерцал преподобный Андрей, были и византийские образы, однако сам он писал образы и глубоко традиционные и, одновременно, невиданные даже для своего времени, никого из учителей не повторявшие. Это удивительное постоянное сочетание традиционности и неповторимости характерно для всей православной культуры. Не поняв этот святоотеческий принцип свободы внутри канона, мы и впадаем то в стилизацию, то в самодеятельность в большом и малом. Выход вновь возможен только при истинном усвоении святоотеческих традиций жизни и работы.

Но нам предоставляют теперь и иное наследие – колоссальное по объему, но вовсе не святоотеческое. Это наследие времен, испытавших то едва заметные отступления от Православия, то явно в духе ренессанса, барокко или иных традиций, характерных для католичества и других инославных и даже иноверных культур. Памятники такого рода накапливались

Покров Пресвятой Богородицы
XVI век

Успение Пресвятой Богородицы
XVI век

Вход в Иерусалим
Первая половина XVI века

в нашей стране с XVI века вплоть до начала XX. По словам протоиерея Георгия Флоровского, это было время «вавилонского плена русского богословия». Плен богословия проявился и в появлении чуждых православному канону форм живописи, архитектуры, музыки, зачастую вовсе не являвшихся церковными, однако заполнивших русские церкви почти безраздельно.

Церковь воспринимает ни с чем не сравнимые гонения XX века необходимыми для своего очищения и укрепления. Уместно повторить: сегодня ситуация такова, что именно от нашего поколения, от нас лично зависит – что именно будет восстановлено, на что мы будем тратить силы. Современное богословие Образа, как и вся жизнь Церкви, несмотря на сопротивление с различных сторон, призваны освободиться от чуждых губительных влияний, вспомнить истинные ценности Православного Предания, по слову апостола Павла: «Стойте и держите Предание» (2 Сол., 2,15). Иконописный канон, в широком смысле выражающийся в разных формах и видах Образа (икона, иконостас, храм, монастырь...), является неотъемлемой частью Церковного Канона.

Мы представляем в самом широком смысле Канон как закономерности воздействия Божией благодати на человека, а через него – на христианскую культуру, на человечество, на все творения, постепенно выявляемые Церковью при единении даров Святого Духа с целенаправленной человеческой волей. Канон выявляет объективную истину благоустроения, воспринимаемую нами как гармонию, и выражает красоту обожженного мира.

Все ли наши действия и намерения в области восстановления памятников находятся в соответствии с требованиями Канона? Канон, предание позволяют нам, требуют от нас стоять в истине так, что при этом мы научаемся активному решению проблем своего времени по-христиански.

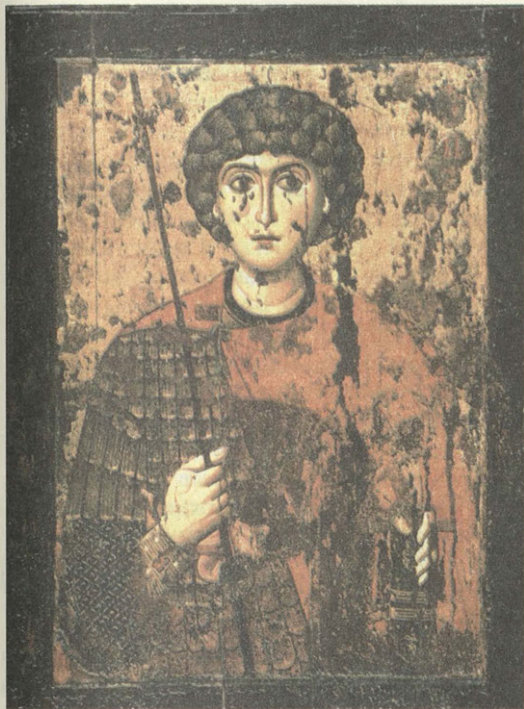
А наше время во многом подобно времени после 1943 года, когда разоренной стране нужно было подымать из руины тысячи поруганных храмов и сотни монастырей. Святой епископ Лука (Войно-Ясенецкий) писал на имя Святейшего Патриарха Сергия (вскоре после знаменательной встречи митрополитов со Сталиным): «...Не следует восстанавливать сильно поврежденные церкви, а вместо них

Илья Пророк. XV век

следует строить новые, деревянные церкви-обыденки. Поручить архитекторам выработать стандартные планы¹ таких церквей и иконостасов – простых и дешевых. Повсеместно организовывать мастерские: церковной утвари, свечные, иконописные, иконопечатные...» Заветы святителя забыты. Все силы уходят в непереносимое и срочное восстановление прежнего (а зачастую – строительство заново), и около 10 тысяч храмов (из 16 тысяч общего числа) стоят без службы, а народ русский уходит в секты. А тот, что не уходит, как и во всей русской истории последних 600 лет, смотрит на Москву, старается учиться от Москвы. А у нас на Москве – вновь «стройка века». Что нужно сделать, чтобы храм Христа Спасителя не явился бы «гробом поваленным» (Мф. 23, 2), а его восстановление – попыткой обмануть самих себя и мир, попыткой представить, что ничего в нашей истории не произошло и мы вернулись как к идеалу к концу XIX века? Нельзя ли в память победы в Отечественной войне 1812 года поставить иной храм, скромнее, но лучше прежнего?

Печально слышать, что возводимый храм, оказывается, будет «главным храмом Русской Православной Церкви». А как же

Святой Георгий. XII век

Успенский собор Московского Кремля – ведь он уже многие века был центральной святыней Руси?! Нельзя забывать и того, что уже на Первом съезде русских художников в 1905 году сами авторы интерьеров храма Христа Спасителя говорили о серьезной неудаче. А сейчас ведь решено повторить все.

Нужно ли Церкви восстановление огромных петербургских храмов? Нельзя ли восстанавливать предоставляемые нам постройки (зачастую развалины) в соответствии с канонам, с требованиями и нуждами Церкви наших дней? Все ли надо восстанавливать «на пользу автора», все ли позднейшие храмы, иконы, росписи, сиявшие ослепительным золотом, картины религиозного содержания, писавшиеся с образцов Леонардо, Рафаэля, Рембрандта, реставрировать? Ведь это изображения, подобные которым в первые века христианства уничтожались как языческие, прославляющие человеческую плоть? Сегодня часто забывают, что икона – это не изображение человека, а выявление Образа Божия в человеке. В светских портретах святых людей, в их фотографиях, да и в религиозной живописи, не выражается, не выявляется догмат Богово-

площения, так как такие изображения являют нам не столько божественное в человеке, сколько эмпирические, земные, чувственные его стороны, иногда с чрезвычайно глубоким психологизмом, что создает иллюзию полноты образа. Но то, что в гуманистическом сознании представляется полнотой человеческой личности, является в христианском понимании полнотой падшего состояния природы человека. По сути, такая портретная живопись, если она пытается заменить собой икону, является забвением, изменой святоотеческой православной антропологии.

Так ли важны для Церкви все современные «принципы реставрации»? Вспомним: ведь уже не раз в истории Церковь русская восстанавливала свои руины. Это был непрерывный процесс – восстановление обветшалого и строительство нового. Нередко по разным причинам разрушались и каменные храмы с их росписями, а деревянные, наполненные иконами, горели и вовсе часто.

Каких бы они ни были прекрасных форм, какими бы ни являлись великими бесценными святынями – никогда христиане, понимавшие значение утраченного не хуже нас, – не восстанавливали ничего точь-в-точь по-прежнему. Традиционность вместе с неповторимостью были, видимо, существенной частью канона. Задача создать слепок, «научную копию» с великих святынь и совершенных творений духа была немислимой вплоть до последнего времени.

«Умиление» преподобного Серафима, Оптиная Богоматерь «Спорительница хлебов», чудотворная «Державная» – ведь они ценны нам вовсе не своими формами. Церкви нужны эти изображения, народ чтит их как иконы. И для списков с них, так же как для написания икон новопрославляемых святых (в том числе святых недавнего времени), для икон новых церковных праздников (например, Крещение Руси) должна быть найдена каноническая иконография – на святоотеческом иконописном языке.

Дивеево, Оптина пустынь, храмы и монастыри святых недавнего времени, – например, праведного Иоанна Кронштадтского, старца Алексея Мечева – они дороги нам ведь вовсе не архитектурным своим строением. Дух святых старцев, служивших в них Богу, дух Православия в них дышал, горел «идеже хочет». Он был

выше любых внешних форм. Он-то и дорог нам. Построив храмы, украсив их убранством «точь-точь как было при батюшках», мы создадим музеи, может быть, милые сердцам тех, кто помнит эти места до разрушения, для воспоминаний о прошедшем. А задачи-то у Церкви и музея разные. Живут они по разным законам.

Восстановительная работа такого рода нужна, например, в местах, связанных с памятью святых, для устройства их мемориальных музеев, но она не заменит работы по восстановлению духовных традиций этих святых, не подменит духовно-восстановительную работу и не должна смешиваться с восстановлением храмов этих святых, с восстановлением их по канону, в соответствии с требованиями и нуждами сегодняшней Церкви.

В исторических путях Русской Церкви в XX веке произошел разрыв очень многих существенных ее традиций. В каком-то смысле она перестала быть их наследницей. Церковь наша стала Церковью-мученицей и Церковью мучеников. Но истощение физическое и культурное преобразилось в спасительное духовное истощение, благодаря которому, утратив величие Церкви господствующей, Церковь Русская обрела венец Церкви Первохристианской. Очень и очень многое надлежит ныне не только строить, но и осознать поистине заново впитывал и опыт XX века, его уроки, но только в исторической перспективе всей церкви. Особенность и уникальность нынешнего момента в том, что, не отвергая своих традиций, мы имеем возможность заново разглядеть их все, избирая из них действительно спасительное для нас, то есть то, что принадлежит общецерковному канону. Есть счастливая возможность, обратившись ко всей полноте церковных традиций, избежать отрицательной стороны традиционализма – рабства традициям.

Жажда церковного народа на иконы технически может быть утолена полиграфическим воспроизведением лучших православных образов, а с последних лет еще и голографией. Только что открытые храмы заполняются репродукциями. Как временный этап это, возможно, приемлемо. Можно даже сказать, что лучше на человека воздействует хорошая репродукция с классической иконы, чем плохое современное изображение. Но в состоянии ли даже качественные репродукции или голограммы лучших из древних икон

заменить иконы рукотворные навсегда? Верно ли это и полезно ли? Само по себе тиражирование, репродуцирование, видимо, не грех; оно применялось издревле в виде отливок икон, нательных и наперсных крестов и т. п. Дело в необходимости самого акта творчества, который изначально присущ Церкви. Каждый член Церкви, получивший Дары Духа Святого во святом Крещении, призван теперь не просто являть в себе Образ Божий, но быть более – чадом, другом Божиим, со-трудником, со-творцом Ему. Церковь живет во времени и каждому времени – единый и неизменный Бог говорит: «Се, творю все новое». А оттого и в иконе всегда находились и находятся новые формы отображения откровения Божия. Оттого мы безошибочно отличаем иконы домонгольской Руси от икон эпохи преподобного Сергия, а их – от эпохи Дионисия. Это же характерно и в отношении разных стран, разных народов, разных Церквей. В единой Церкви Христовой каждый народ, каждая поместная Церковь, обладающая полнотой благодати, живет традиционным творчеством, в Духе Святом.

Иконописное творчество, богословие в красках не может замирать ни в одной стране, ни в одну эпоху. Только творчество – признак жизни Церкви, и в иконописании оно проявляется в наиболее прямом, непосредственном своем виде. Икона – непосредственное явление, откровение Красоты Божией – сильнее всего воздействует не только и не столько на разум, но и на всю душу, все существо человека, изменяя его, делая участником этой Красоты. Как никогда, может быть, всем нам необходимо свидетельствовать того, чем обладает Церковь. Обладает же не только в смысле владения музейными, частными, общинными, федеральными, общецерковными ценностями, но главное – имея неисчерпаемый и вечный источник творчества в Боге, который есть Любовь и Красота.

Примечание

¹ С XI до конца XVII века в пару к каменному холодному храму ставился теплый деревянный – простой и дешевый в постройке. При близких планах (о чем и говорит Еп. Лука) они могли иметь размеры от крохотных (3 x 4 сажени) до весьма внушительных, что определялось лишь потребностью общины.